

ЯНА ГАНДЕРС

НАКАЗАНИЕ
для
ИНКВИЗИТОРА

18+

Яна Сандерс

Наказание для инквизитора

«Автор»

2026

Сандерс Я.

Наказание для инквизитора / Я. Сандерс — «Автор», 2026

Не суди, да не судим будешь. Но как не судить, если твоя работа ежедневно выносить приговоры и вершить судьбы? Много лет я наказывала справедливо и по всей строгости. Теперь пришло время расплачиваться. И вот вместо того, чтобы отдать богу душу после покушения, я становлюсь подозреваемой в новом мире, а инквизитор с холодными глазами пытается меня в чём-то обвинить! Но я ж не виновата! В смысле, моя магия угрожает человечеству? Она и меня убьёт, если меры не принять? А вот это уже проблема. И для её решения придётся в короткий срок найти единственного и неповторимого, кому смогу доверить всю себя. Пошла искать. Ведь мне ещё дорога жизнь. Ох, мироздание, как же скучно я жила. Диалогия. Продолжением будет книга "Гончарная мастерская попаданки"

© Сандерс Я., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	18
Глава 6	21
Глава 7	25
Глава 8	29
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Яна Сандерс

Наказание для инквизитора

Глава 1

— Заседание объявляется закрытым, — провозгласила я и ударила молотком так, чтобы ни у кого больше не оставалось вопросов.

Конечно, они имелись, иначе не было бы нескольких десятков изумлённых пар глаз, направленных в мою сторону. Вот только среди всех этих глаз я увидела одни, которые особенно врезались в память. Раскрасневшиеся от слёз, они смотрели на меня с благодарностью. Но судьи должны быть беспристрастны. А потому я, едва заметно кивнув женщине, испытывавшей горе, которого никому не пожелаешь, поднялась из-за стола, чтобы уйти.

Я слышала перешёптывания за спиной, наблюдала растерянность в облике прокурора, который теперь нервно вытирал лоб платком и, казалось, готов был грохнуться в обморок. Но я сделала всё правильно. В этом я не сомневалась ни минуты.

Чудовище наказано. Монстр, что оборвал сразу две жизни, получит по заслугам. Теперь уж точно, ведь далее дело пересмотру не подлежит.

Стащив с плеч мантию, я повесила её на вешалку и замерла в короткой, тяжёлой задумчивости.

А что дальше?

Они не простят.

Исмагилов этого так не оставит, и мне спокойная жизнь не светит, пока эта мразь топчет землю. Пусть и за решёткой.

Плевать.

Родственников у меня нет. А значит, и рычагов давления со стороны агрессора. И если тварь станет мстить, то напрямую. Здесь уж я буду готова дать отпор. Всякое в жизни бывало.

Можно ли было смягчить приговор?

Нет. Нельзя. Чудовище убил беременную жену в пьяном угаре. И не просто убил. А жестоко расправился. До сих пор перед глазами стоят фотографии материалов дела. Многие я в жизни повидала, но такое. Такое мог совершить только нелюдь. И тридцать лет строгача Рустаму Исмагилову — меньшее, что я могла сделать для общества.

— Анна Сергеевна! Анна Сергеевна! — услышала я крики журналистов, едва успела выйти на крыльцо городского здания суда. — Это правда, что Рустам Исмагилов — глава местной мафии — угрожал вам прямо в зале суда?

— Как вы прокомментируете приговор?

— Вы не боитесь последствий?

Я не отвечала ни на эти, ни на множество других дурацких вопросов. Боже, конечно, мне было страшно. Я одна. Совсем одна все эти годы стояла против мира, в котором правили другие законы, кодексы и ценности. Мне говорили не лезть туда все, в ком крепло здравомыслие. Мы и они — две разные вселенные. И суд над такими, как Исмагилов, возможен лишь при широкой огласке преступления. Оно его получило благодаря тому, что супруга этой крысы была популярным блогером, и нападение произошло, когда Диана вела прямой эфир. Полмиллиона человек увидели и слышали в тот вечер много того, что потом разлетелось через мессенджеры и социальные сети. И именно огласка помогла добиться жёсткого приговора в первый раз и ещё более жёсткого после подачи адвокатами Исмагилова кассации.

Лучшие адвокаты не помогли ему. Потому что жажда справедливости, помноженная на ярость человеческую, оказались сильнее.

Толпа с транспарантами встречала участников заседания. И когда в дверях появился осуждённый под конвоем гвардии, страшный и неукротимый рёв заполнил округу.

Полиция с трудом справлялась. Люди желали порвать гниду, уничтожить его на месте, но подобное было бы слишком лёгкой карой для этого выродка.

Я успела сесть в машину, когда живая волна хлынула к крыльцу, проклиная убийцу. Наблюдая народный гнев в его неопишемом величии, я на миг поймала глазами животный оскал и полный яростного обещания взгляд убийцы.

Испугалась. Но лишь на долю секунды. Видела я уже таких. Не раз со мной пытались счёты счесть. В девяностые даже довелось в больнице несколько месяцев пролежать с множественными переломами и отбитой почкой.

Что ж, Фемида — богиня правосудия. А богам положено приносить жертвы.

Значит, пока бьётся сердце, я продолжу работать.

— Домой, Сергей Эдуардович, — глухо проговорила я, обращаясь к водителю, после чего ниссан стал выезжать с парковки.

В тишине и под мерный шум мотора я не сразу услышала голос водителя.

— Анна Сергеевна, — сказал он, всматриваясь в зеркало и вылавливая моё внимание, — я говорю, может, лучше в дачный посёлок пока? На время.

— Зачем? — не поняла я и нахмурилась. — У меня ведь нет дачи.

— Зато у меня есть. Я там не бываю почти. Но дом добротный, даже в холода жить можно. Бурю переждёте и вернётесь потом, а я буду продукты привозить.

Поняв, наконец, что обо мне пытаются позаботиться, я даже обрадовалась немного и заулыбалась. Но вовремя вернула лицу сдержанное выражение.

— Спасибо тебе, Сергей Эдуардович. Но эта буря утихнет ещё не скоро, и в покое меня не оставят. Бояться и убегать не в моих правилах.

— Тогда, может быть, я подежурю где-нибудь недалеко от вашего подъезда? Мало ли что, среагирую, вызову полицию.

— Прекрати, — сказала я требовательно. — Как приедем, домой езжай. Нина ждать будет, волноваться. И не мальчик ты уже по ночам в засаде сидеть. Я справлюсь. Спасибо тебе.

Посмотрела на Сергея с благодарностью. А ведь он один из немногих годами работал со мной бок о бок. Старше меня всего на десять лет, он всегда казался мне, сироте из детдома, почти что отцом. А потому ужасно не хотелось подвергать опасности этого замечательного человека, который на днях готовился отметить солидный юбилей.

Шестьдесят лет.

Наблюдая, как с каждым годом прибавлялось седых волос в бороде этого мужчины, я судила о собственном возрасте. И с трудом верилось, что сама уже полвека отходила по грешной земле.

А ведь мы многое вместе пережили. На всю жизнь я запомнила, как пятнадцать лет назад Сергей гнал по ночному Подмоскovie, спасая меня от мстителей очередного осуждённого братка. Те палили в нас, превратив в решето прежнюю служебную машину. Но мастерства моему спасителю и тогда было не занимать. А потому мы сумели оторваться. А вскоре гадов скрутила полиция.

— До среды мне твои услуги не понадобятся, — проговорила я, когда машина остановилась возле моего подъезда. — Нам обоим отдохнуть бы не мешало. Нервотрёпки было достаточно.

— Хотя бы до квартиры провожу...

— Не надо, — остановила я порыв мужчины. — Уж до квартиры дойду как-нибудь. Привет Ниночке передавай и ребятам.

С трудом скрывая недовольство, Сергей кивнул и положил руки руль.

— Если что, звоните, Анна Сергеевна, — велел он. — В любое время.

— Хорошо, — пообещала я, после чего захлопнула дверь, помахала мужчине, изображая смелую безмятежность, и, развернувшись, пошла к дому.

Не знаю, почему отказалась, чтобы он меня провожал. Наверное, подсознательно уже ждала чего-то. И не хотела подвергать риску того, кто мог пострадать из-за моего нежелания мириться с навязанной системой. Системой, где прав тот, кто держит в страхе города, тот, чьего лица вы не узнаете и пройдёте мимо до тех пор, пока оно случайно не засветится в сети под заголовком чудовищного преступления.

Лишь когда дверь квартиры закрылась за моей спиной, и я заперла её на все замки, стало чуть-чуть спокойнее. Но сердце всё же продолжало бешено стучать, даже когда Тиса — сиамская кошка, которую я семь лет назад подобрала на улице — стала тереться о мои ноги. Не включая свет по выработанной годами привычке, чтобы не привлекать внимания, я подошла к окну и с облегчением обнаружила пустоту там, где мы только что прощались с водителем. Он уехал и правильно сделал.

Наверное, я сама уже как эта самая кошка, что жалобно мяукала, пока я накладывала ей корм, ловко научилась видеть в темноте. Позже я сяду за ноутбук просмотреть текущие дела под мерное мурлыканье моего пушистика. Но не сейчас. Сейчас нужно успокоить мысли и отдышаться.

В памяти то и дело всплывал образ женщины, выплакавшей, наверное, все слёзы. И, казалось, я вынесла приговор не для вселенского равновесия или по ещё каким-то глобальным причинам. Я засадила за решётку ублюдка, чтобы матери Дианы стало чуть-чуть легче. Конечно, это не вернёт ей дочь, но она хотя бы будет знать, что подонок, привыкший к безнаказанности и к тому, что его желания исполняются по щелчку пальцев, получил по заслугам.

Свет так и не зажёгся в моей квартире в тот вечер. Смартфон я отключила сразу же как отписалась Сергею, что благополучно добралась. А когда пришло время ложиться, приняла таблетку, без которой уже много лет не могла нормально заснуть, и забылась в надежде, что тяжесть в голове развеется к утру. Но нет. Мучительные сновидения не дали телу отдыха, новый день не предвещал успокоения, а голова будто ещё сильнее разболелась.

К обеду стало совсем невыносимо, и решив выйти на свежий воздух, я кое-как привела себя в порядок, надела плащ и покинула свою огромную, но пустую квартиру, предварительно осмотрев лестничную площадку через установленную в глазке камеру.

Лифт приехал быстро. Когда створки его с гудением раздвинулись, я увидела перед собой человека. Одетый во всё чёрное и в балаклаву, скрывающую почти полностью лицо, он меньше всего походил на случайного соседа, решившего выйти на прогулку.

Я не стала ждать, что он сделает. Рванув с места, вознамерилась бежать к лестнице. Но человек оказался быстрее. А руки в перчатках с профессиональной ловкостью мгновенно захватили меня в тиски. Одна рука сжала локтем рёбра под грудью, вторая до боли заткнула рот. Я не могла даже закричать, чтобы позвать на помощь.

Что-то звякнуло прямо у меня над ухом, и только когда холод металла коснулся шеи, я поняла, что это нож.

— Те, кто переходят дорогу Исмагиловым, живут мало, — проговорил он с сильным акцентом. — Это тебе за брата, старуха.

Успела лишь всхлипнуть, когда горло пронзила жгучая боль, и я стала захлёбываться в попытке набрать воздуха.

Быстро теряя сознание и ощущая, как намокла одежда от хлынувшего из раны потока, я поняла, что это конец.

Издав жалобный хрип, упала на четвереньки и стала заваливаться набок. Как вдруг над головой грянуло так, что на миг я пришла в себя. Но подняться уже была не в состоянии. Повалившись набок, устремила взгляд к потолку и на мгновение увидела над собой изумлённого

Сергея, а у него в руке дымящийся пистолет. Стоявший позади человек, гаркнул что-то неразборчивое на незнакомом мне языке, а следом эта громадина рухнул прямо на меня.

В ту же секунду я отключилась.

Глава 2

Не знаю, сколько длилось это забытьё. Но когда я начала приходить в себя, осознание всего произошедшего стало медленно возвращаться. Я понимала, что лежу в темноте, но при этом чувствовала на себе чьи-то руки. Я судорожно прижала трясущуюся ладонь к горлу, и обнаружив, что раны нет, что дышу ровно и ничего не болит, не веря собственным ощущениям, ахнула.

Как такое возможно?

И всё же, кто-то придавливал меня к месту, а спиной я ощущала уже не плиты подъезда, а что-то мягкое. Будто лежала в постели.

Больница?

А что ещё после такого нападения?

— Сергей Эду..., застонала я. — Сергей, где я?

Тот, кого я приняла за водителя, заёрзал активнее, и мне не показалось. Его рука схватила меня за ногу выше колена и поползла вверх с прямолинейным намерением, сомнений в котором не оставалось.

Нет, Сергей не мог. Это не он!

Я вздрогнула и попыталась сфокусировать взгляд. Темнотой меня не напугать — увижу всё, что надо увидеть и даже больше. И я увидела. Отвратительное лицо, искажённое похотью. Утопающие в складках толстых щёк крохотные глазки, гнусная улыбка при участии до жути кривых зубов. Это что, родственничек Исмаилова? И он пытается надо мной надругаться?!

Придя в ужас, я извернулась и, упёршись локтями в грудь мужчины, рывкнула, отталкивая его:

— Пошёл к чёрту, выродок!

И не то, чтобы я сильно толкнула его. В моём положении это было сложно сделать. Но мужчина внезапно отстранился, а в глазах его застыл испуг. Нет, не испуг. Ужас.

— Как это? — спросил он с нескрываемым отчаянием. — Не может быть. Нет! Нет! Я не то хотел! Ты не поняла! Катрин, девочка моя, прости! Меня, наверное, чем-то опоили. Нет! — мужчина резко схватился за живот и сложился пополам. — Пощади! Пощади! На помощь! Роже! Пауль! Убивают! Зовите доктора! Доктора!

Я не понимала ровным счётом ничего из происходящего. Какой Пауль? Кого убивают? А тем временем человек уже сполз с постели на пол и бился теперь в конвульсивном припадке, хватаясь за горло и издавая хрипы.

Подскочив на постели и оглядевшись, я поняла, что не узнаю комнату. И мне бы броситься к двери, чтобы позвать на помощь, но где бы эту дверь найти? Вокруг имелась нелепая для века нейросетей и роботов-доставщиков старинная мебель, резной шкаф, буфет, стол и стулья с витыми ножками, стеллажи вдоль стен с множеством горшков и ваз неясного предназначения. И только когда вдалеке из щели в стене забрезжил скудный свет, я поняла, где всё это время располагался выход из комнаты.

— Хозяин? — услышала я скрипучий старческий голос. — Хозяин, о, Духи! — худощавый сгорбленный старик в длинной сорочке, со свечой и в ночном колпаке шагнул в комнату и изумлённо ахнул, увидев толстяка, который содрогался, лёжа на полу, а изо рта его вытекала пена.

Как ни странно, я пришла в себя первой.

— Зовите врача! — крикнула я, не узнавая собственный голос. — Скорее!

Незнакомец едва не выронил подсвечник, который всё это время удерживал дрожащими костлявыми пальцами. Неуклюже развернувшись, он кивнул мне и высунувшись в коридор, закричал:

— Роже! Роже! Где ты, бездельник?! Спеш и позови месье Плежу! Хозяин умирает!

Я услышала торопливые, тяжёлые шаги. А когда в комнату заглянул здоровенный детина со взъерошенной копной на голове, чуть смехом не подавилась. Боже, куда я попала? Один карикатурнее другого.

И всё же ситуация вырисовывалась невесёлая. А когда парень, вместо того чтобы бежать за доктором изумлённо уставился на меня, он мигом получил по голове костлявым кулаком. Тогда только Роже опомнился и скрылся в коридоре, успев ещё и пинка заработать от деда для пущего разгона.

Я не успевала за событиями, творящимися вокруг. И даже не сразу поняла, что мужчина на полу перестал двигаться. Он и дышать как будто перестал. И тогда только я соскочила с кровати, на которой, как на пьедестале, стояла всё время, пока разворачивалось действие.

Упав на колени перед человеком, я прижала руку к его шее. Пульса не было, да и выглядел бедолага характерно для того, кто встретил скоропостижно биологическую смерть.

Старик в колпаке присел напротив меня, пододвигая ближе подсвечник. И когда на лицо умершего лёг свет, меня передёрнуло.

Смерть, конечно, никого особо не красит, но этот тип, судя по всему, и при жизни не блистал привлекательностью. Отёкшее лицо, плешивая голова, устремлённые в потолок глаза, которые скрывали опухшие веки, кривые, да ещё и жёлтые с чернотой зубы. Преотвратительнейший тип. И после того, что он намеревался со мной сделать, я была твёрдо уверена в соответствии книги обложке.

— Зачем он приходил к вам ночью, мисс Бежон? — спросил старик.

По его округлившимся глазам ясно стало, что тот совершенно искренне не понимает.

Я пожала плечами.

— Полагаю, несложно догадаться. Мужчины обычно посещают покои дам глубокими ночами с одной целью.

— Невозможно! — ахнул старик. — Он ведь был вам как отец, госпожа Катрин!

Ну, видимо, ключевое слово здесь «как», и оно многое объясняет. Вот только не знаю я его. На роль защитника, которому можно было довериться, в моей жизни уже имелся человек. И это точно не тип, распластаный на полу.

— Почему вы зовёте меня Катрин? — спросила я, начиная раздражаться.

Мужчина отпрянул испуганно.

— Госпожа Бежон! Помилуйте. Как же мне ещё вас называть?

Так, приехали. Госпожа, значит. А ничего, что господа все в семнадцатом году закончились? И что вообще происходит?!

Точно! Нужно Сергею позвонить! Не исключено, что это по его указке меня в этот санаторий затолкали с персоналом, который именно сегодня косплеит дореволюционную Францию. Надо же, Бежон. И как натурально играет.

Я подпрыгнула с пола и кинулась к стоявшей возле кровати тумбе, но ни на ней, ни в её полках не находилось ничего даже близко похожего на гаджет. Предметы, на которые натыкались руки, были мне незнакомы. Костяной гребень, шкатулки с украшениями, стопочки платков с кружевом по краю.

Чертовщина какая-то.

Кинувшись от стола к шкафу, растворила его и стала искать своё пальто. Я ведь в нём была, когда меня ранил братец Исмагилова. Но нет. Ничего даже близко напоминавшего серый драп не имелось в этой кладовой заношенных платьев, принадлежавших, по-видимому, средневековой крестьянке. Я даже на секунду о пальто забыла, поразившись тому, насколько правдоподобно здесь всё устроено.

— Что вы ищете, госпожа? — спросил Пауль, поднимаясь с пола. — Позвольте помочь.

— Телефон. Я ищу свой телефон. Вы, случайно, не знаете, куда его убрали?

Повернувшись к старику, встретила побледневшее лицо и испуганные глаза человека, осенявшего себя странным знамением. Сектант, что ли? Этого ещё не хватало!

Поняв, что от человека в спальном колпаке я ничего вразумительного не добьюсь, направилась к стоявшему рядом со шкафом комоду. Но пришлось замереть на полпути. Медленно повернув голову, я упёрлась взглядом в отражение. Красивая блондинка со светлыми глазами и с пышными формами, которые легко прикрывала тонкая сорочка, смотрела на меня сквозь зеркало сначала решительно, но как только я заподозрила неладное, лицо красотки озарил ужас.

Я махнула рукой — блондинка ответила. Шагнула — отступила и девушка. А когда я твёрдо осознала, что смотрю на себя, грудь сдавило необъяснимым жаром, от затылка по всему телу потёк озноб, а ноги перестали держать тело.

Последнее, что помню перед тем, как грохнулась в обморок, был крик старика и его руки, не давшие мне упасть на пол.

Глава 3

Резкий аммиачный дух включил мой разум. Но только не желание мириться с происходящим. Секунды после пробуждения я ещё пребывала в смутном понимании событий. До того, как надо мной пытался надругаться жуткий тип и до того, как в зеркале отразился кто угодно, только не я. Это был сон. Кошмар. А значит, сейчас я окажусь дома. Или, что более вероятно, в больнице после тяжёлого ранения.

Мысли эти пролетели в голове стремительно. Буквально за секунду. А когда я открыла глаза и увидела профиль пожилого человека, сидевшего на краю моей постели и сосредоточенно копошащегося в небольшом чемоданчике, на миг испытала облегчение. Но когда огляделась и увидела всё ту же комнату со старинной мебелью, едва не завывала.

В комнате прибавилось народу. Толстяка, который теперь будет сниться мне в кошмарах, к этому времени подняли на носилки двое мужчин и, грубо переговариваясь, понесли к двери. Ещё один — рыжий и одетый во всё чёрное — стоял возле окна ко мне спиной. Он не проявлял никакого участия. И это его равнодушие немного настораживало.

Когда человек, который сидел возле меня, нашёл, наконец то, что искал, он встряхнул руку и склонился, прижимаясь трубкой к моей груди. Именно трубкой, какие в старину применяли врачи до тех пор, пока фонендоскоп не изобрели. Я даже опешила.

— Ну что ж, — заключил седовласый эскулап. — Могло быть и хуже. Но вы крепкая, госпожа Катрин. Как себя чувствуете? — мужчина вздёрнул седую, кустистую бровь и глянул на меня с добродушной улыбкой.

— Я? — переспросила глупо, всё ещё сопротивляясь невозможному.

Доктор нахмурился. Коснувшись моего оба, он покачал головой.

— Вам определённо стоит полежать пару дней в постели, дорогая. За вами есть кому ухаживать?

— Есть, господин доктор! — пробасил кто-то из-за моей спины, и только тогда я увидела того, кого называли Роже и посылали за врачом, прежде чем я отключилась. Стоп. То есть, оказавшись в бреду, я упала в обморок и снова очнулась в бреду? Бред какой-то.

— Угомонись, ты, увалень, — проворчал худой старик, чью спальную сорочку теперь прикрывал длинный потёртый халат. — Что подумают о госпоже? Ухаживать он собрался. Мы присмотрим за мисс, доктор Плежу. Не беспокойтесь. Я лично проконтролирую, чтобы никто не тревожил хозяйку.

Мужчина выпятил грудь и гордо вскинул острый подбородок. Выглядело это одновременно забавно и мило, отчего я даже улыбнулась, забыв, что пребываю в каком-то стойком сновидении внутри сновидения.

Это же как меня заклинило? Или всё происходило на самом деле? Да ну, быть не может. Хотя почему нет? Ощущения очень даже реальные, и нашатырь такой ядрёный, что с того света вытащит. А это значит, я попала. Попала конкретно и неизвестно, куда.

От размышлений отвлёк голос человека, который резко развернулся и подошёл ближе, остановившись в паре шагов от моей кровати. Рыжий, долговязый, в строгом, чёрном костюме, он вызывал взаимное недоверие и напоминал своим старинным одеянием агента тайного сыска из фильмов про революцию.

— Присматривать ни за кем не придётся, — сказал он твёрдо. — Мисс поедет с нами.

— Куда это? — возмутился Пауль. — И зачем?

— Мисс Бежон подозревается в убийстве.

Даже доктор перестал воевать с замком чемодана, который удерживал на коленях, и удивлённо уставился на мужчину.

— У вас не более четверти часа, чтобы собраться, — продолжил рыжий, глядя на меня теперь оценивающе, отчего захотелось сильнее прикрыться одеялом.

Он развернулся на каблуках и стремительно вылетел из комнаты, тогда как в ту же секунду здесь воцарились его помощники с видом людей, готовых созерцать мои сборы из первого ряда. Два амбала остановились возле стены и с каменными лицами встали по стойке смирно, сцепив перед собой руки и расставив широко ноги.

Роже и Пауль переговаривались, не скрывая волнения.

— Немыслимо! — ворчал старик. — Увозить молодую, незамужнюю девушку неизвестно куда! Это недопустимо!

Парень кивал его словам, тогда как врач, совладав с чемоданом, поднялся и сказал упавшим голосом:

— Мне известен этот тип, господа. И ничего хорошего его приход не предвещает. Если смертью месье Клемансо занялась инквизиция, дело плохо.

— Да что вы?! — ахнул Пауль. — Мы не отдадим этим зверям госпожу! Пускай и нас забирают!

В подтверждение слов Роже сжал кулаки и выпятил грудь, готовый кинуться в бой и сразиться, с кем скажут.

Амбалы молчали равнодушно и даже не глядели в сторону моих заступников, тогда как я уже встала и с некоторым безразличием перелистывала стопки платьев в шкафу. Прикрывшись от зрителей дверцей, выудила в ряду однообразных нарядов одно скромное на вид платье из тонкой шерсти и натянула его прямо поверх сорочки, край которой выглядывал теперь на уровне декольте и из-под рукавов. По сути, платье больше походило на сарафан, и я в нём ну никак при всём желании не могла воспринимать себя госпожой. Да я бы и в золотой парче своего мнения не поменяла.

Поправив ворот, рукава и встряхнув длинные пшеничные волосы, я с грустью посмотрела на своё отражение. Спасибо, конечно, мироздание, за шанс прожить вторую жизнь, вот только ничего хорошего из этого не выйдет. Тем более что я арестована и ждёт меня, судя по всему, незавидная участь. Потому что, как бы хорошо я ни знала законы, то были законы Российской Федерации, и здесь они не имели силы.

Какая злая ирония. По всему новую жизнь мне выдали в наказание за гордыню. Потому что я слишком возомнила о себе, легко вершила человеческие судьбы. В том, что всё это имеет кармическую подоплёку, почему-то не оставалось сомнений.

Подойдя к взволнованному Паулю, я протянула ему руку, а когда старик недоумённо оглядев меня, неуверенно подал свою ладонь, сказала, пожимая её:

— Не нужно беспокоиться, месье Пауль. Сейчас я уйду, мы выясним все недоразумения с властями, а когда это случится, я бы хотела найти вас в добром здравии и таком же расположении духа.

Переведя взгляд на Роже, который даже перестал неуклюже топтаться и смотрел на меня, открыв рот, продолжила:

— Всего хорошего, друзья. И спасибо вам за такую искреннюю поддержку.

Мне самой слабо верилось в эти слова, но хотелось хоть немного обнадёжить людей, которые единственные здесь за меня волновались. И всё же до слуха донёсся шёпот, когда старик недоумённо бросил мне вслед:

— Ты слышал, Роже? Госпожу, что, подменили?

Покинув комнату, я оказалась возле лестницы, которая вела вниз. По обе стороны от меня короткий коридор вмещал по паре дверей, таких же, как та, из которой я вышла. Это был не простой дом, что ясно показала обитель Катрин Бежон. Выкрашенные в нежный, персиковый оттенок стены, белёные потолки, рамы высоких окон, выточенные из светлого дерева,

почти что парадная лестница. Нет, я оказалась вовсе не во дворце. Но если судить по интерьеру и мебели, попала своими фантазиями в прошлое. А поселилась в доме не менее чем барона.

Усмехнувшись мыслям, спустилась на первый этаж и уже издали заметила рыжего. Он подпирал собой косяк парадного выхода и что-то сосредоточенно изучал, всматриваясь в предмет, который светился в его руках. Ну точно, телефон! Значит, этому миру со старинными нарядами и мебелью не чужд прогресс? Правда, розеток я за всё это время не увидела, а обилие свечей указывало на полнейшее отсутствие электричества, без которого ни один телефон работать не сможет.

Хмыкнула, видимо, звонче, чем надо. Прекратив гипнотизировать гаджет, мужчина повёл рукой, заставляя предмет исчезнуть. Прямо вот так, на глазах. Я даже ахнула. Вот это ловкость рук.

Рыжий мотнул головой, заставляя меня следовать за собой. Я лишь пожала плечами, но покорила. К чему сопротивляться? В прошлой реальности это всегда только усугубляло положение подозреваемых.

Мельком, но мне всё же удалось разглядеть первый этаж. Он отличался от второго, и меньше всего я ожидала увидеть здесь прилавки с толстой амбарной книгой на столешнице и множеством глиняных горшков, выставленных по стеллажам вдоль стен. Это был самый настоящий магазин глиняных горшков, часть которых даже имела красочный узор. Что ж, если это магазин, то дела у владельца шли неплохо.

Не особенно удивилась, когда, возле крыльца показался экипаж, запряжённый двумя лошадьми. Раз уж мы в условном прошлом, то конный транспорт вполне объясним. Оглядевшись, обнаружила себя на довольно оживлённой улице среди симпатичных домиков, напоминавших старую Европу.

Над крыльцом каждого из них имелись вывески. Пекарни, магазины одежды и цветов, мастерские по изготовлению ножей, ключей, обуви, парикмахерские, цирюльни и ателье. Был даже магический зал некоей мадам Лярош — предсказательницы, а ещё — магазин со шляпой ведьмы над входом. Вывеску я, правда, не успела прочитать.

Несмотря на зябкое утро, улица шумела. Открывались и закрывались двери со звоном колокольчиков, а когда мимо меня прошла полная женщина с двумя бидонами и в сарафане, похожем на мой, я кивнул в ответ на её приветствие.

— Куда вы, Катрин? И где месье Клемансо? — дама остановилась и недоверчиво скосила взгляд на рыжего, который стоял, скрестив руки, с недовольным видом возле распахнутой двери экипажа и постукивал каблуком высокого сапога по бордюру мостовой.

Пожав плечами, я собиралась ответить, но меня опередили.

— В экипаж, мисс Бежон, — процедил инквизитор. — И поживее. Иначе мне придётся применить силу.

Когда из-за моей спины выросли его помощники с каменными лицами и оттеснили изумлённую женщину, я смиренно зашагала к экипажу. Троица влезла следом. Братки уселись по обе стороны от меня, а рыжий напротив. Конечно, перспектива лицезреть его весь оставшийся путь не радовала, но кто бы меня спросил? Не желая встречаться с ним взглядом, уставилась в окно на дом, из которого меня только что забрали, и в последний момент, прежде чем экипаж тронулся с места, прочитала вывеску над дверью: «Франсуа Клемансо. Гончарная мастерская».

О том, что мастерская именно гончарная, пришлось догадываться, потому что в названии не хватало букв.

Глава 4

Слова доктора про инквизицию настораживали, потому что я хорошо знала историю, и если по какому-то странному переплетению временных парадигм меня занесло в прошлое, то перспективы ожидалась нерадостные.

Я даже забыла рассматривать виды города в окошке и запомнила лишь невысокий домишко на окраине улицы. За его забором надрывался воплем пёстрый петух, знаменуя своим криком наступление утра. Моего первого утра неизвестно где.

Вскоре экипаж миновал мост через узкую реку, после чего затрясся по бездорожью. Меня едва не укачало, прежде чем мы остановились. Бросив недружелюбное «На выход», рыжий толкнул дверь.

Покинув экипаж, я оказалась напротив высокого, мрачного каменного здания с плоской крышей и утопленными окнами, обрамлённое таким же тёмным каменным забором.

На фасаде его красовалось, если можно так сказать, изображение страшного монстра с мордой ящера. Особенно пугающим выглядел клюв этой гаргульи, разъяренный будто в жутком крике.

У калитки стоял человек, всем своим видом и повадками напоминавший моих сопровождающих. Когда он заметил нас, то прислонил палец к уху, точно как в кино про шпионов, и что-то проговорил неслышно.

Конвой под предводительством тощего, перед которым, как по волшебству, открывались все двери, вёл меня в неизвестность мучительно долго. Миновав главный вход здания, мы стали спускаться по лестнице, а вскоре оказались в узком, холодном коридоре.

Мрачные постовые, тусклый свет, тихие стоны и плач из-за решёток. Всё, что я видела и слышала, не внушало оптимизма, ведь попала я в самый настоящий следственный изолятор прошлого. И хоть за жизнь и карьеру юриста мне достаточно довелось посмотреть, даже не догадывалась, как это жутко находиться здесь не в роли представителя закона, а в качестве подозреваемой. Даже мысли никогда не возникало хотя бы просто поставить себя на место преступника. А стоило иногда. Наверное.

Стало особенно страшно, когда троица провела меня через зал, заставленный жуткими приспособлениями с шипами, ремнями и прорезями, вероятно, для рук и голов. К счастью, людей не было, не имелось даже пятен крови, будто всё здесь совсем недавно намыли до блеска. Но жути от этого меньше не становилось. А когда возле выхода из зала я увидела огромный разъяренный саркофаг с шипами, спина моя мигом взмокла. И я даже замерла на секунду, рассматривая весь этот ужас.

Одно слово — инквизиция. В лучших традициях дремучего средневековья. Но меня ведь не так далеко в прошлое занесло. Или не стоило обольщаться?

Один из братков, шедших позади, пихнул меня в плечо, когда я невольно замедлила шаг, разглядывая зал для пыток. Тогда только я обратила внимание на рыжего, который тоже остановился и искоса глядел на меня, не скрывая удовольствия. Ему нравилось видеть мой испуг. Садист.

Пройдя ещё немного, мы оказались в довольно просторной и чуть менее мрачной комнате. За столом у стены дремал, похрапывая, человек в форме с надвинутой на лицо фуражкой. Два факела, закреплённые на противоположных стенах, хорошо освещали неказистую обрюзгшую фигуру, зато скрывали частично решётку у дальней стены, которая отгораживала часть зала. За этой решёткой кто-то находился. Я слышала шорох, но не видела людей, которых удерживали в обезьяннике.

Рыжий приблизился беззвучно к столу, приподнял стоявшую на нём металлическую кружку и в ту же секунду с оглушительным стуком вернул её на место.

Здоровяк подскочил, опрокидывая стул, а когда схватился за висящую на поясе дубинку, так и замер, осознав, наконец, кто перед ним.

— Доброе утро, констебль, — пугающе холодно произнёс мой сопровождающий.

Несчастный только теперь очнулся. Прекратив глупо таращиться, он поспешил убрать на место оружие.

— Виноват, капитан! — констебль вытянулся по стойке смирно, и на лбу его выступили капельки пота. — Готов понести наказание!

Присев на край стола, рыжий окинул его пренебрежительным взглядом и, с издевательской ленцой выдержав паузу, сказал:

— Вы не поместитесь ни в одну железную бабу, констебль. Но если это повторится, будьте уверены, я подойду к вопросу наказания со свойственной мне изобретательностью.

Капитан улыбнулся, отчего меня передёрнуло. Так, Аня, спокойно. Таким, как этот конопатый, нельзя показывать свой страх. Они им питаются. Вон, бедняга констебль уже в предобморочном состоянии.

— Новости есть? — спросил капитан, чем вернул подчинённому возможность дышать.

Тот неуклюже всплеснул руками и, схватившись за толстый журнал, лежавший на столе, ответил:

— Так точно. Сегодня привезли двоих. Домушника и муфелинщицу. Оба успели за ночь неплохо навариться.

Худые пальцы капитана легли на страницу, не давая констеблю пролистнуть её.

— Довольно, — отрезал он. — Оформляй эту, — карие глаза брезгливо скользнули по мне. — Господин Сорель лично разберётся с ней.

— Опасная преступница? — спросил мужчина, нахмурившись в мою сторону.

— Не то слово. Способна убить силой мысли, — с серьёзным видом проговорил рыжий. — Не вздумай лезть ей под юбку.

Опешили теперь мы оба. Я и служивый. Захотелось наругать рыжему хаму, но сдержалась невероятным усилием воли.

Больше капитан ничего не говорил. Отпрянув от стола, он скрестил на груди руки и стал ждать, тогда как его подчинённый теперь смотрел на меня испуганно.

— П-п-пройдёте, — сказал он, поправляя ворот рубашки и отстёгивая ключи от пояса. Трясущейся рукой он указал на решётку в стене. Но тут же нервно вздрогнул и неуклюже переваливаясь, подошёл первым, принявшись копошиться с замком.

Я видела, как дрожали его руки и как трясся он сам. Вряд ли его так пугало моё присутствие. Несчастный боялся капитана, которого мог уложить одной левой, но тот был старшим по званию, да ещё и с замашками садиста. А значит, следовало его остерегаться вдвойне.

Отворив дверь в камеру, констебль облегчённо вытер платком лоб и хмуро уставился на меня. Я подчинилась. Лишь когда замок лязгнул, за моей спиной, в полной мере осознала себя арестованной.

Я не была ни в чём виновата. Но кого это волновало? Человек умер при невыясненных обстоятельствах, следовательно, нужно найти виновного. И, зная изнутри эту систему слишком хорошо, я не обольщалась на свой счёт.

Поодаль у стены засыпанного мелким мусором обезьянника имелись два топчана, на одном из которых сидела с безразличным видом женщина и разглядывала меня. Её платье, укороченное спереди, открывало вид на стройные ножки, и украшенное кружевом декольте. Возраст дамы не подлежал определению из-за обилия косметики. Но она всё же была скорее симпатичной, чем наоборот, с копной тёмных волос, собранных в небрежную, растрёпанную причёску.

Я уже собиралась сесть на свободный топчан, как вдруг кто-то внезапно появился слишком близко и, коснувшись моего плеча, шепнул на ухо:

— Откуда ты, красотка?

Я испугалась. Просто потому, что никого, кроме местных служащих и девушки не видела, и возникнуть вот так, рядом никто из них не мог. Ведомая инстинктом самосохранения, я развернулась на звук и со всей силой оттолкнула человека.

Всё, что происходило дальше, выглядело, как какой-то экшен фантастического кино. Стоявший позади меня мужчина взлетел вдруг, и его понесло к стене так, будто не барышня его толкнула, а метательный аппарат. Он бы точно врезался в стену и превратился в лепёшку, если бы не кокон света, который окутал человека за доли секунды и задержал в полёте прямо над полом.

На сей раз в обморок я не упала, хоть и была на волоске от этого, наблюдая во все глаза картину, в которую верилось с трудом. А когда светящийся кокон стал медленно опускаться, я заметила тонкую сияющую нить, протянутую от спасённого к руке капитана. Тот с усилием удерживал на весу всю эту конструкцию с человеком посередине, которая теперь медленно опускалась на пол. Все, кто присутствовал при зрелище, пораскрывали изумлённо рты. Девушка в откровенном платье подскочила, прижимая ладони к лицу и переводя испуганный взгляд от меня к зависшему в воздухе сокамернику.

Когда кокон опустился, он исчез в ту же секунду, как и нить, протянутая к нему. Страхнув руку и размяв немного пальцы, рыжий зло уставился на меня.

— Похоже, господин Сорель вернётся раньше, чем планировалось, — процедил он.

Глава 5

Дамиан

Утро на лазурном побережье плавно перетекало в полдень, когда она завожилась в постели. Стройная мулатка, чьё идеальное тело я ласкал всю прошлую ночь, так призывно потягивалась и постанывала, что я готов был наброситься на неё и подмять под себя, не дожидаясь, когда красотка проснётся. Умелая в любви. Даже слишком умелая. Но что поделать? Женщины в этих краях ни на что другое не способны. И их главная цель, мечта, к которой все они стремятся — охмурить кошелёк, выскочить замуж и свалить из этих мест.

Намерение читается во всём. В повадках, движениях, взглядах. Твою мать, даже сейчас я анализирую и сканирую человека, с которым просто собирался провести время. Чёртова профдеформация.

Она разомкнула опущённые густыми ресницами веки и улыбнулась, ликуя от осознания того, что я смотрю на неё и как я смотрю.

— Доброе утро, — промурлыкала она с прелестным акцентом, отчего одеяло, едва прикрывавшее меня ниже пояса, зашевелилось. От профессионального взгляда это не укрылось, и девушка облизнула пухлые губки, увлажняя их..

Но я ведь не изверг. Не дав ей заползти под моё одеяло, я наклонился и, поддев её подбородок пальцем, заставил вернуть внимание к лицу.

— Давай для начала позавтракаем, детка, — наши губы соприкоснулись на пару секунд. Она мечтательно зажмурилась. Но как только я собрался подняться с постели и увлечь её за собой, чертовка прижала свои ладони к моим плечам, а через секунду я уже лежал на спине, а мне на грудь, щекоча кожу, падала густая каштановая копна.

— Мы всё успеем, сладкий мой, — промурлыкала она и стала спускаться поцелуями по моей груди. Вот уже тёплые губы касаются живота, я чувствую их ещё ниже, там, где просто невозможно удерживать оборону. Да и зачем? Эта куколка знает, на какие рычаги давить, и делает это мастерски, умело. Так почему бы не поддаться ей?

Сжал челюсти и невольно смял одной рукой простыню, а другой — волосы на затылке мулатки. Наверное, ей даже стало больно, только она никак себя не выдала, а лишь ускорила движения, делая именно то, что требовалось в данную секунду. Её сноровка поражала, и я без зазрения совести пользовался тем, что мне давали. В какой-то момент даже забыл, что передо мной живой человек и в край одичал в своём рвении испытать разрядку. Она успела меня избаловать. Так, пусть продемонстрирует, на что ещё способна. Но когда, казалось, фейерверк ощущений вот-вот настигнет меня, произошло то, отчего захотелось кого-нибудь убить. Да что там! Сровнять с землёй этот чёртов отель!

Зазвонил рабочий коммуникатор. Нет, не так. Рабочий коммуникатор зазвонил в самый, наверное, кульминационный момент этого, мать его, отпуска, который я заслужил после работы без перерыва на выходные двадцать четыре на семь в течение пяти последних зим.

Я не просил много. Всего шесть дней меня не беспокоить. Разве это так сложно?

Но коммуникатор зазвонил, а когда я ткнул его, и голограмма высветила конопатую физиономию моего подчинённого, выругался, не подбирая слов, вместо приветствия. Меня он тоже видел. Как и высунувшуюся из-под одеяла чаровницу, которая не сразу поняла, что произошло.

Она взвизгнула, сползла с кровати и выскочила из предела видимости прибора связи, оставшись совершенно голой позади голограммы капитана. Теперь он её не видел, тогда как я лицезрел эти аппетитные формы во всей красе. Ну и смотрел, естественно, не на рыжего кайфоломщика, а туда, куда тянулся всем своим существом.

— Прошу меня простить, господин Сорель, — проговорил помощник. — Вы ведь понимаете, что я не стал бы вас беспокоить, если бы не дело чрезвычайной важности.

Я кивнул.

— Давай без прелюдий, Корро. Я их не люблю.

— Так точно, — капитан откашлялся. — Дело в том, что сегодня утром была арестована женщина. Она подозревается в убийстве человека, который пытался надругаться над ней.

— Ну и?

— Признаков насильственной смерти не обнаружено. Он просто умер у неё в спальне.

— Могло быть что угодно. Сердечный приступ, тромб, кровоизлияние.

— В том то и дело. Вскрытие ничего не показало. Погибший был совершенно здоров, если не считать увеличенной печени и камней в желчном пузыре. Более того, — продолжал капитан, — когда её привезли в изолятор, она одним толчком едва не размазала сокамерника по стене. И судя по всему, сама не поняла, что сделала, придя в ужас от увиденного.

— В каком он состоянии?

— Я успел его перехватить.

Откинувшись на подушку, я устало потёр переносицу, покосился на мулатку и как бы ни сопротивлялось всё внутри, сказал капитану:

— Заприте её. Я выезжаю и скоро буду у вас.

Обожаю свою работу.

Будто бы и не было отпуска. Будто не я целых три дня предавался похотливым фантазиям с женщиной, готовой на всё ради моего удовольствия. Надо было видеть разочарование в её огромных карих глазах, когда, соскочив с кровати, я стремительно оделся и вылетел из номера, не прощаясь.

Что ж, детка, при твоих талантах тебе обязательно повезёт. Но не со мной.

Три часа спустя, миновав проходную Дома Инквизиции, я шёл по коридору в сторону своего кабинета, гоняя в голове одну мысль: кто она? Ведь женщины не имеют такой силы.

Нет, они способны творить волшебство и колдовать опосредованно. Как ведьмы и ученики академии, через книги, артефакты и сложные заклинания, которым долго обучаются. Но вот так, взмахнув рукой, отправить в полёт человека — это уму непостижимо. Мутация? Поломка в цепочке хромосом? Или?.. Если «или», то это плохо. Очень плохо. Но не будем поддаваться панике раньше срока.

Корро уже запросил о ней информацию и переслал мне.

Катрин Бежон. Не замужем. 19 лет. После смерти матери осталась на попечении отчима — бывшего военного, державшего гончарную лавку. Помолвлена с шевалье Презо, свадьба в будущем месяце. Ничего примечательного. Крупных магов в роду не замечено. Но здесь всегда необходимо делать оговорку на неверность жён, в которой те не спешат признаваться, лелея под сердцем дитя от возлюбленного, не имеющего никакого кровного отношения к супругу и роду.

Отперев высокую резную дверь кабинета, я ступил за порог и поёжился от холода.

Здесь всегда было холодно. Даже при жаре плюс тридцать пять за окнами дом инквизиции, стены которого за годы службы пропитались отчаянием и скорбью, требовал всё больше топлива, чтобы дать хоть немного тепла.

Человек в тёмном неслышно возник за моей спиной.

— Вели затопить камин, — бросил я, берясь за верхний лист в стопке требовавших изучения и подписи.

— Уже сделано, — ответил капитан. — Топят с раннего утра. Я предупредил, что вы приедете.

Обернувшись к нему, я поймал открытый честный взгляд человека, с которым работал уже очень давно и которому доверял как себе, и процедил гневно:

— Бесплезная трата дров.

Обойдя стол, я опустился в кресло, сковавшее меня холодными объятиями, и спросил:

— Где она?

— В карцере. Прикажете привести?

— Веди. Если она ещё не окоченела там до смерти.

— Слушаюсь.

Глава 6

Катрин

Никогда в жизни мне ещё не было так холодно. К тому же безумно хотелось спать и, безуспешно пытаясь сжаться в комок, чтобы согреться, я всерьёз ждала, что вот-вот окоченею. Не было ни покрывал, ни хоть какого-то подобия подушки в этой жуткой клетке полтора на два метра без окон и с единственным отсеком в стене, через который передавали еду. Она тоже не грела. Сюда местную баланду доносили уже остывшей, а потому я даже не притрагивалась к ней. Ну и ещё потому, что в супе плавали какие-то жуки, вызывая нестерпимую тошноту.

Я попала в самый настоящий кошмар, где стоило бояться не зала для пыток с ремнями и иглами, а пугающей неизвестности и того, что будет дальше. Замёрзну я насмерть или выкарабкаюсь? Да даже если обойдётся, здоровье моё наверняка уже подорвано после этого морозильника. На местную медицину, где ещё не изобрели ни антибиотиков, ни безопасных обезболивающих, надежды нет.

Значит, так, судьба, я всё поняла. Ты решила наказать меня. Не суди, да не судим будешь? Урок усвоен. И, если честно, я уже не против окончить свой бранный путь и с выученными уроками отбыть в лучший мир.

Поняла, что почти не чувствую ногу, которая перестала дорожать и потихоньку начинала неметь. Постучала по ней, потыкала ногтем — ничего. Ну что ж, вот и всё. Скоро целиком окоченею.

На этой мысли услышала скрип дверного засова, а через секунду тусклый свет, почти полностью перекрытый человеческой фигурой, проник в камеру.

Отвыкнув от него, я поморщилась.

— На выход, — приказали мне, после чего я не без усилия поднялась и точно упала бы, если бы не стена рядом, за которую приходилось держаться.

Закоченевшая нога работала плохо. Но всё же кое-как двигалась, что не могло не радовать.

Помогать мне не спешили, и еле переставляя конечности, я плелась, преследуемая стражником туда, куда мне приказывали. И то ли от движения, то ли от близости к местной котельной, понимала, что согреваюсь.

Мне велено было остановиться у единственной на этаже массивной двери. Звякнув цепями, которые всё это время сковывали мои руки, я поняла, что сейчас чихну. Позыв было не остановить. И в момент, когда стражник толкнул дверь, я чихнула троекратно, будто бы приветствуя кого-то, кого ещё не видела. А когда отпустило, поняла, что очутилась в кабинете. Здесь было тепло. По крайней мере, немного теплее, чем там, откуда меня привели, а потому всё остальное уже не имело значения. И всё же я огляделась. На такие же тёмные каменные стены, как везде, на дубовые шкафы и плотные портьеры зашторенных окон ложился тусклый свет нескольких пар свечей, установленных в канделябры на широком столе. За столом этим сидел человек и задумчиво рассматривал меня. Брюнет с небрежно взъерошенными волосами и некоторым беспорядком в образе выглядел так, как будто его внезапно оторвали от дел и заставили явиться сюда. Да и смотрел он как-то по-особому. Буквально скользил по мне глазами снизу вверх и обратно. И если до этого плевать было, как я выгляжу и насколько сбилось платье на уровне декольте, теперь мне стало почему-то неловко.

Я ведь только недавно думала, что умру от холода. А сейчас вдруг стало жарко и захотелось прикрыться.

Позади с шумом захлопнулась дверь кабинета. И мы с незнакомцем остались наедине.

— Катрин Бежон? — спросил мужчина голосом, от которого по спине побежали мурашки. Да что это со мной?! Отругав себя мысленно, кивнула.

— Садитесь, — мне взглядом указали на пустой стул.

Повиновалась, продолжая греметь цепями, словно Кентервильское привидение. А когда невеста откуда возникла фарфоровая чашка с чем-то горячим, я захлопала удивлённо глазами. Это что, мне сегодня выпал билет заботы о подозреваемом в этом следственном изоляторе? И в чём подвох?

— Рекомендую выпить, пока горячее, — равнодушно проговорил мужчина, опустив взгляд и перелистнув пару раз журнал, лежавший на столе. — В этом отваре особые травы, которые помогут вам восстановиться после карцера.

Он сделал паузу, бегло глянул на меня, вернулся к журналу и продолжил всё с тем же безразличием:

— Моё имя Дамиан Сорель. Я глава инквизиции Рестольда, и мне необходимо задать вам несколько вопросов. В ваших же интересах отвечать на них правдиво и не пытаться меня обмануть. Скажите, это правда, что ваш отчим собирался овладеть вами против воли?

Я мотнула головой, утрясая в ней новую информацию. Что-то подсказывало, имя этого человека, как и сам он ещё не раз меня настигнет.

— Что ж, — начала я. — Месье Клемансо оказался среди ночи в моей спальне, он забирался мне под юбку, пытался в лицо и придавливал собой к матрасу. Сопоставив вышеизложенные факты, могу с уверенностью заявить: месье домогался меня, господин инквизитор.

Мужчина едва слышно хмыкнул и, поставив локти на стол, опёрся подбородком на сцепленные пальцы. Журнал перестал его интересовать. Теперь Дамиан не сводил с меня пронизательных синих глаз, в которых отражались свечные блики.

— Возможно, мой вопрос покажется вам нескромным, Катрин. Но это чрезвычайно важно для следствия. Скажите, вы девственница?

Вот тут я поперхнулась чаем. Но не столько от возмущения, сколько от страха. Откуда я знаю?! Девственница. Нет, конечно, но то я. А новое тело ещё проверить надо.

С опаской уставилась на мужчину, глядевшего настолько бесстыже прямолинейно, что захотелось припомнить детдомовскую юность и врезать ему хорошенько.

— Я вам ничего больше не скажу без адвоката, — вырвалось у меня. С этого надо было начинать, но потеряла бдительность, повелась на игру в заботу. Плохо, Аня, плохо! В чай ведь могли подмешать какую-нибудь дрянь, развязывающую язык!

— Что вы сказали? — удивился мужчина.

— Вы слышали. Я требую себе защитника, а пока можете вернуть меня обратно в холодильник.

Мужчина откинулся на спинку кресла и воздел глаза к потолку. Просидев так с минуту, он устало потёр переносицу и вновь обратился ко мне:

— Поверьте, Катрин, мне это тоже не доставляет удовольствия. Но так вышло, что ваш отчим погиб во время домогательств, и после того, как вы чуть не впечатали в стену сокамерника, есть все основания полагать, что вы убили месье Клемансо.

— Я не убивала!

— Но он умер.

— Это его проблемы!

— Вы боролись с ним.

— Нет!

— Значит, вы были не против.

— Что?! Вы с ума сошли! Я сопротивлялась!

— Но не очень активно. Какие отношения связывали вас с отчимом?

Голос перестал быть любезным и похолодел вдруг настолько, что я вновь ощутила озноб. Меня пытались разговорить. Более того, разыграть всё так, чтобы я сказала именно то, что требовалось, подловить на словах. И как непросто было смолчать. Но я ведь ничего не знала о жизни этой девушки. И понятия не имею, какие отношения связывали Катрин с отчимом. Вспомнив жуткую рожу Франсуа, всё же проговорила так твёрдо, как могла:

— До прошлой ночи он не смел ко мне прикоснуться!

Мужчина чуть вздёрнул бровь.

— Как вы объясните, что в одной из чашек в вашей комнате были найдены следы муфелина?

— Следы чего? — я грохнула кулаками по столу, отчего зазвенели цепи, а по рукам моим побежал будто разряд электричества. Подскочив с места, я с ужасом уставилась на руки и чуть не упала, споткнувшись о ножку стула. Но меня удержали.

Стремительно перемахнув через огромный стол, инквизитор вмиг оказался рядом и обхватил меня со спины. Его пальцы крепко сжали мои предплечья, после чего молнии тонкими струйками стали перетекать к нему и исчезать.

— Не нужно злиться, — тон Дамиана, твёрдый и решительный, буквально приказывал успокоиться. Словно под гипнозом дыхание моё постепенно стало выравниваться, а страх улечиваться. Но когда я осознала себя прижатой к мужчине, возник трепет совершенно другой природы, и сердце забилось ещё чаще.

— Что происходит? — спросила я дрожащим голосом.

— Нельзя поддаваться эмоциям. Это опасно. Магия требует самоконтроля и не терпит слабых.

— Что? — я повернула к нему голову, не веря ушам. — Вы шутите? Какая ещё магия?

Наши взгляды встретились, и на миг у меня перехватило дыхание. Глава местной инквизиции смотрел на меня так, как уже очень давно никто не смотрел. Я знала этот интерес, понимала его природу. И оттого посиделки посреди ковра в кабинете Дамиана добавляли волнения.

— Мне и самому верится в это с трудом. Но факты безжалостны. Вы маг, Катрин. К тому же маг сильный и не способный контролировать себя. К сожалению, я буду вынужден принять меры.

У меня загудело в ушах, не желавших воспринимать весь этот бред. Готовилась расхохотаться ему в лицо и вместе с тем чувствовала, что вот-вот заплачу. Истерика подкатывала неумолимо. И унять её было ой как непросто.

— Неужели снова запрёте меня в карцере? — спросила я.

— Не думаю, что до этого дойдёт, — ответил Дамиан, и мне показалось, что объятия стали теснее. — Но идея запереть вас мне нравится. Исключительно для вашей безопасности.

Меня в жар бросило. А когда уголки губ мужчины едва изогнулись в улыбку, совсем поплохело.

Надо быть полной дурой, чтобы не считать намёк на то, где этот человек отвёл мне место. У Катрин никого не осталось. Не было ни заступников, ни влиятельных родственников. И теперь она, то бишь я, была целиком и полностью во власти того, кто первым огреет дубинкой и утащит в пещеру.

В дверь постучали, что всё же заставило мужчину меня отпустить. Руки к тому времени прекратили искрить и, поднявшись с пола, Дамиан даже мне помог встать, после чего приказал:

— Войдите.

В кабинет зашёл уже знакомый мне капитан. Покосившись на меня недовольно, он подошёл к начальнику и протянул ему листок. Тот пробежался по тексту глазами, после чего уставился на меня, снова перечитал текст и опустил на край стола, заметно побледнев. Казалось, если бы стола этого не было, мужчина бы так и повалился на пол там же, где стоял.

— Они ничего не могли напутать? — спросил Дамиан с надеждой.

— Перепроверили несколько раз. Нетипичная активность клеток испугала лаборантов. Один из них не успел надеть защитную маску. Его госпитализировали после контакта с магическим разрядом. К счастью, он уже пришёл в себя.

— Что ж, — ответил брюнет, задумчиво прикусив губу. — Капитан, как думаешь, а не взыскать ли стоимость лечения нашего лаборанта с мисс Катрин? Это ведь её чрезмерно активная сущность стала причиной обращения к докторам.

У меня челюсть отвисла, тогда как в синих глазах инквизитора уже скакали игривые искорки, а губы едва удерживались от улыбки.

— Хорошая идея, командор, — ответил рыжий с фирменным своим жутким оскалом. — Такие как она привыкли жить на всём готовом и ждать, что за них решат проблемы. Проучить её будет нелишним.

Дамиан откашлялся.

— Вообще-то, я пошутил, мой друг. Тебе бы в отпуск.

Лыба мигом сползла с губ капитана, и тот вновь посуровел, теперь уже не глядя на меня.

— Подготовь всё, — обратился к нему начальник с откровенной неохотой. — В связи с поступившей информацией я не вижу смысла более удерживать мисс Бежон в этих стенах. Вы свободны, Катрин.

Глава 7

Продолжая стоять с отвисшей челюстью, я только на последних словах командора изволила вернуть её на место.

— В смысле, свободна? — спросила я. — То есть как?

— А вы хотите ещё задержаться? — усмехнулся мужчина.

— Нет, но подождите, — я немного смутилась, когда он приблизился и, поведя рукой над моими запястьями, заставил кандалы осыпаться на пол.

Не веря тому, что увидела, я с минуту рассматривала собственные руки.

— Что вы сделали? — спросила, продолжая вертеть запястьями. — Как такое вообще возможно?!

Я изумлённо уставилась на мужчину, которого моё негодование забавляло. Снизойдя до объяснений, он бросил сухо:

— Это магия, Катрин. Для человека моего уровня подобное в порядке вещей. Но вот вы — другое дело.

— А что не так со мной? И чем я хуже вас, позвольте узнать?

Подавшись вперёд и склоняясь к моему уху, мужчина ответил, вызывая своим бархатистым полушёпотом тёплую дрожь где-то на уровне солнечного сплетения:

— Вы женщина. Только и всего.

Отстранившись, он даже внимание не обратил на то, как я словно рыба начала хлопать губами, подбирая слова, которые возмущённо насакивали друг на друга, порываясь высказать командору, кто он есть.

Слова его зацепили. И хоть в глубине души я понимала, что это не шовинистские заскоки, а определённая закономерность для мира, в который меня забросило, остановить порыв оказалось сложнее, чем я думала. Пришлось даже дыхательную гимнастику применить для успокоения нервов.

— Всё ясно, — проговорила я, с трудом проглатывая негодование и скрещивая на груди руки. — Видимо, женщинам на роду написано оставаться ущербными в глазах мужчин, куда бы ни забрасывала нас судьба. И всё же объясните мне кое-что, командор. Вы замуровали меня здесь, я едва концы не отдала, замёрзнув в изоляторе, где провела, наверное, вечность. А теперь вдруг после какой-то бумажки оказалась свободна? Я требую, чтобы вы объяснили мне всё и сказали, что не так с моей сущностью!

Глаза мужчины сверкнули, а напряжённые губы раздражённо скривились.

— Вы не в том положении, чтобы требовать, — процедил он. — Обстоятельства выяснены, и больше к вам нет вопросов.

— Зато они есть у меня! — рывкнула я, приходя в отчаяние. Хотелось спросить, кто я, как мне дальше жить в этом непонятном мире и что за кошмар творится с моими руками, в которых силы как в тракторе Беларусь. Но задать эти вопросы я не могла, иначе бы точно загремела в дурдом, и холодный изолятор показался бы курортом.

Не успела заметить, когда ушёл капитан, и мы с Дамианом вновь остались одни. А когда мужчина, глянув зверем, стал наступать, заставляя меня пятиться, едва не заскулила.

— Многоуважаемая Катрин, — начал он, приближаясь, — я немного не в настроении разговаривать. И дело не столько в вас, сколько в том, что прямо сейчас я должен был наслаждаться отпуском и изливать скопившееся напряжение в знойную красотку. Но меня вызвали сюда, потому что к нам поступила подозреваемая с аномальным магическим потенциалом, какие встречаются лишь раз в тысячу лет, если не реже. И только у особой мужского пола. Вы опасны, Катрин, но это так, к слову. И как бы вы ни были опасны, страшнее мужчины, который не получил того, чего так желал, и был вынужден явиться на работу, не догуляв в должной мере

заслуженный отпуск, в природе никого не существует. Поэтому прошу по-хорошему, идите домой. Вас больше никто не держит. Но если вы настолько отчаянная, что хотите задать мне ещё пару вопросов, то мы могли бы переместиться в комнату поудобнее.

Я поняла, что мелко подрагиваю, глядя снизу вверх на командора, ставшего будто ещё крупнее. Он тяжело дышал, раздувая ноздри, и остаток выдержки его зиждился на тонком волоске, который с минуты на минуту грозил оборваться. Не отводя глаз от этого коршуна с почерневшими глазами и ещё больше заострившимися скулами, я сглотнула и кивнула нетвёрдо, после чего развернулась на месте и почти бегом бросилась вон из кабинета.

Меня никто не провожал и не знаю, как, но на одном дыхании я перемахнула цепь коридоров и лишь на проходной вынуждена была задержаться. Охранник сверился по журналу и, подтвердив, что я действительно свободна, отпер калитку.

Оказавшись по другую сторону забора, я прижалась к каменной стене и позволила себе отдышаться. Людей рядом не было, и впереди тянулся простор пустоши с редкими кустиками и неширокой речкой, отделявшей город от Дома Инквизиции. Возможно, где-то там и жила Катрин Бежон. Но что, если нет? Чёрт, и ведь даже спросить не у кого.

Подобрав юбки, я огляделась и, заметив вдали по левую руку мост, направилась туда.

Поглощённая размышлениями о странностях жизни и моём невероятном переселении в иную реальность, сама не заметила, как уже чеканила шаг, вбивая каблучки в землю. После всего пережитого нервы были на пределе, и оступившись на ровном месте, запутавшись в юбках, я начала вдруг с визгом заваливаться.

Падение было неизбежно. А камень, что торчал из земли, стремительно приближаясь к лицу, обещал не только ссадины, но, возможно, переломы или даже выбитый глаз. Но за мгновение до нашей с ним встречи случилось нечто необъяснимое. Я зависла над землёй, словно тело моё подвесили в мешке, а вскоре увидела вокруг себя серебристое свечение, по стенкам которого пробегали во все стороны знакомые молнии.

Теперь уже неясно было, чего я боюсь больше: молний этих или падения. Сжавшись в комок, прижимая к себе колени и обхватив руками голову, я завывала от безысходности, всерьёз опасаясь, что ещё чуть-чуть, и у меня крыша поедет.

А инквизитор ведь обмолвился, что я опасна. Но почему тогда отпустил? Изолировал бы, или как тут всё это происходит? Можно ли мне хотя бы теоретически помочь усмирить этот чёртов потенциал? Ведь такая силища не могла взяться просто так, из пустоты.

Рваное дыхание постепенно выравнивалось, напряжение рук и ног ослабевало. Вспышки тоже исчезли, а я сама не заметила, как опустилась на землю. Но подниматься всё же не спешила, продолжая лежать и смотреть в одну точку. Туда, где по мосту в мою сторону двигалась телега. Стоило, наверное, освободить проезд, но одолевшие меня апатия и тремор во всём теле не давали возможности шевельнуться.

Телега остановилась в нескольких шагах от меня. И только когда я услышала знакомый взволнованный голос, мой разум вернулся из полузабытья.

— Госпожа Катрин! — возле меня опустился человек и, обхватив за лицо, развернул к себе. Я едва не разрыдалась, увидев перепуганного Пауля.

— Дорогая госпожа! Бедная наша, мисс! — продолжал он, с опаской рассматривая неподвижное тело. — Что они с вами сделали?! Чудовища! Монстры! Дорогая, позвольте мне донести вас до телеги. Мы сейчас же отправимся с вами к доктору.

— Нет-нет, Пауль, не нужно к доктору, дорогой, — я взяла его за руку и крепко стиснула её. — Прошу, помогите мне подняться. Я просто споткнулась и упала. Но со мной всё хорошо.

— Вы уверены? Они ничего вам не сделали?

— Инквизиция всё выяснила, и меня отпустили, как я и ожидала. Не беспокойтесь.

Старик всплеснул руками. А вскоре уже вёл меня к телеге, готовый везти туда, где жила Катрин. В её дом, но не мой, с чем ещё предстояло смириться.

— Вы не подумайте, госпожа, — говорил Пауль, после того как, усадив меня, взобрался на козлы и взялся за поводья, — мы с Роже дежурили здесь всё время по очереди. А сегодня заказчик явился за крупной партией. Пришлось задержаться. И надо так случиться, что именно тогда вас и выпустили. Я должен был дежурить у калитки, старый остолоп. Ходить юной барышне одной в этих местах небезопасно.

— Спасибо, друг мой. Вы столько делаете для меня.

— Ну что вы? — удивился он. — Это мой долг. Особенно теперь, когда ваш отчим, — неловкая пауза. — Но хорошо, что скоро явится месье Презо, и вы станете его женой. Уверен, он защитит вас.

Я замерла. Неужели Катрин помолвлена? Интересно, здесь любовь или очередной договор купли-продажи между семьями? С этим ещё предстояло разобраться.

— Напомните, пожалуйста, как скоро явится месье Презо? — спросила я осторожно.

— Господин Клемансо упоминал конец следующего месяца. Полк вашего жениха заканчивает военную миссию в Лердони. И насколько мне известно, за успехи в операции его представят к награде и повысят в звании. Он смелый воин, ваш жених.

Пауль явно был рад за меня. И мне приходилось улыбаться ему в ответ.

Мы уже миновали мост, и некоторое время телега катила по бездорожью на другом берегу. Мрачное, недружелюбное здание инквизиции оставалось позади, и невольно я то и дело бросала взгляд на это место, где мне довелось в полной мере испытать на себе разбирательство в преступлении. Но совсем с другой стороны. Роль обвиняемой мне ужасно не понравилась. Меньше всего хотелось повторять этот опыт.

— Пауль, — осторожно позвала я, когда телега въехала на оживлённую улицу, — где сейчас тело месье Клемансо?

На меня мигом обернулось удивлённое лицо.

— В церкви, разумеется. Завтра его похоронят, и я уверен, люди поймут, если вы не захотите проститься с ним.

Мы плелись в тишине весь оставшийся путь. По обе стороны дороги тянулись простенькие домики, огороженные условным ветхим забором. За оградой то и дело прогуливались куры, топтались гуси. Даже парочку коз довелось встретить и корову, которая провожала пристальным взглядом телегу всё время, пока могла видеть нас, выглядывая из проёма покосившегося хлева и пережёвывая пучок сухой травы. Запахи, витавшие в воздухе, были мне незнакомы. Но что-то подсказывало, именно так могло пахнуть лето в деревне у нормального ребёнка, а не у сироты из детдома.

Оказавшись на знакомой улице, я заметила, что всё больше встречных оборачиваются нам вслед. Хоть некоторые и кивали дружелюбно, но смотрели настороженно, а другие принимались недовольно перешёптываться, одаривая меня тяжёлыми взглядами. Я даже спиной эти их взгляды ощущала.

— Не обращайтесь внимания, госпожа, — проговорил Пауль. — Сплетни в наших краях быстро утихают. Очередное мелкое происшествие завладеет их вниманием скорее, чем наступит новый день.

Ответить я не успела. С противоположной стороны улицы послышался оклик, а следом я увидела двух женщин, которые спешно приближались к нам.

— Мисс Бежон! — кричала одна из них — румяная и крутобокая, в сарафане и фартуке. — Катрин! Вас отпустили? Бедняжка! Пережить такое и получить обвинение в убийстве!

— Франсуа был слаб здоровьем, — подхватила вторая — в противовес первой высокая и худощавая, с заострёнными чертами лица. — Это всем известно, и мы никогда не поверим тем гнусным слухам, какие распускает о вас Матильда. Скажите, это правда, что вас пытали в инквизиции?

Обе со жгучим интересом во взглядах усталились на меня, чем вызвали нервный тик в виде дёргающегося века.

— Даже вспоминать страшно, — проговорила я, уняв минутную растерянность. — Никому такого не пожелаю.

Женщины хором ахнули. И хоть страдала я за решёткой недолго, пусть другие продолжают трепетать перед ужасами местного правосудия, чтобы неповадно было.

Пользуясь тем, что впечатлила женщин, я быстро распрощалась с ними, и мы продолжили путь. Вскоре показалась уже знакомая вывеска гончарной мастерской. Как только телега остановилась, Пауль слез первым и помог спуститься мне.

— Ступайте в дом, госпожа Катрин, — сказал он. — Вам обязательно нужно поесть и отдохнуть, дитя. Я позабочусь об этом, если, конечно, вы не побрезгуете луковым бульоном.

Взяв лошадь под уздцы, он стал обходить гончарную лавку и вскоре скрылся за её торцом, уводя животное во внутренний двор. Телега так и осталась у обочины.

Подождав с минуту и поймав на себе ещё парочку притворнолюбезных взглядов, я шагнула к дому. Как вдруг ощутила невесть откуда взявшуюся тревогу. На меня кто-то смотрел и не просто смотрел, а буквально сканировал непрошенным вниманием. Необъяснимая энергетика вынудила оглядеться. А когда в высоком окне лавки, вывеску которой украшала шляпа ведьмы, сверкнули две ярко-жёлтые точки, у меня живот скрутило. Точки смотрели на меня до тех пор, пока тень за окном не исчезла в глубине дома, скрываясь из виду.

«Всё для ведовства и колдовства» — прочитала я на вывеске, после чего поспешила войти в дом, желая спрятаться от жутких глаз. Но и там меня ожидал сюрприз. Так и остолбенела на пороге, не решаясь сделать больше шага. Весь первый этаж лавки был завален глиняными черепками. А на полках, где ещё недавно красовались кувшины и вазы, оставались единичные экземпляры, да и те не стояли, а лежали, покачиваясь и норовя сорваться в свой последний полёт. Осколки были везде: на полу, на прилавке, даже на подоконниках. И посреди всего этого апокалипсиса сидел на корточках спиной ко мне Роже, горстями собирая черепки в тряпичный мешок.

— Что здесь произошло? — тихо спросила я, окидывая помещение изумлённым взглядом.

Глава 8

Парень неуклюже поднялся и удивлённо уставился на меня.

— Госпожа, — поклонился он, не выпуская мешка, — вас освободили?

Я с трудом оторвалась от зрелища и ответила:

— Как видишь. Но что случилось?

Роже потупился. Он явно ощущал себя не в своей тарелке и напряжённо подбирал слова.

— Это всё Матильда, госпожа, — начал он. — Она явилась сюда час назад злая как собака месье Ганса. Эта женщина проклинала вас, обзывала такими словами, каких я даже в кабаке никогда не слышал. А когда я попытался выставить её, она схватила кочергу и принялась крушить здесь всё. В неё будто бес вселился.

Матильда, значит. А ведь её только что упомянули. И кто же она такая? Неужто в мачехи мне метила?

— Что именно она сказала? — попыталась я вывести хоть какую-то зацепку.

— О, госпожа, я не могу этого повторить.

— Своими словами, Роже. Не нужно цитировать всего. Мне важна суть.

— Сейчас, — парень погрузился в задумчивость, покусывая пухлую губу и поводя глазами, будто пытаясь высмотреть что-то. — Она сказала, что проклиняет тот день, когда связалась с этой жабой Франсуа Клемансо, которого терпела целый год. Что это всё должно было принадлежать ей, но мерзкая дрянь. О, простите, в смысле...

— Я поняла. Продолжай.

— Она сказала, что вы, госпожа, лишили её выгодного брака и доходов от мастерской. И пожелала вам гнить в подвалах инквизиции до конца ваших дней. Простите, госпожа.

Роже совсем сник, опуская виновато широкие плечи. Подойдя к нему, я коснулась огромной руки этого богатыря.

— Спасибо, Роже. Мне важно было это знать. А теперь скажи, для меня мешок найдётся?

Через пару минут мы уже вдвоём сгребали осколки, и я то и дело ловила на себе настороженный взгляд мужчины. Похоже, что подобные дела обходили Катрин стороной. Судя по наполнению комнаты девушки, она была здесь госпожой в буквальном смысле. А всю грязную работу, да и работу вообще выполняли слуги. Ну и, возможно, отчим.

К моменту, когда явился Пауль, весь крупный мусор мы уже собрали. Изредка я задерживалась, желая разглядеть поближе тот или иной обломок с остатками узора. Вазы в большинстве походили на греческие с ритмичным рисунком чёрного, бордового или тёмно-синего цветов. Реже встречались изображения растений, животных и даже людей. Последние выглядели условно, будто их рисовал ребёнок. Но я не спешила никого осуждать. Сама бы попробовала расписать керамику.

— Я бы хотела помыть здесь пол, — сказала, опуская последний осколок в битком набитый мешок. — Роже, если принесёшь ведро воды, буду тебе очень признательна.

Пауль, который успел вооружиться веником, чтобы вымести мелкий мусор, схватился за сердце.

— Что с вами? — я подалась к нему, всерьёз испугавшись. — Вам плохо?

Старик отрицательно помотал головой.

— Простите, мисс. Я не должен так говорить. И пойму, если вы разгневаетесь. Но всё же, что происходит? Вы никогда прежде не говорили с нами столь любезно, и уж тем более не вызывались мыть полы в магазине. Это ведь не дело для девушки вашего круга.

— Какого именно круга? — спросила я с усмешкой.

— Ну как же? Ваш отец виконт Бежон, матушка и вовсе дочь маркиза, а отчим — отставной майор. Вы знатная дама, и при всех реформах, проводимых в нашей стране, уж точно не обязаны трудиться по хозяйству.

Я поджала губы. Не стоит, наверное, так уж явно выказывать, что я другой человек, и волновать этого доброго старика. Но и сидеть без дела тоже так себе вариант. Поразмыслив, я ответила:

— Знаете, дорогой Пауль, когда проводишь ночь в одиночной камере инквизиции, многое переосмысливается. В том числе отношение к жизни. Тогда, лёжа на холодной койке, замерзая до смерти, я осознала, каким пустым и бессмысленным было моё существование прежде. Я лишь пользовалась благами, окружавшими меня, и не задумывалась о том, сколько труда и средств вкладываются в то благополучие, что окружает меня. Я бы хотела всё изменить, и это главное моё желание. А потому готова начать с малого и прямо сейчас. Роже, ещё раз повторяю свою просьбу, будь добр, принеси воды или покажи, где вы её берёте, и я сама натаascaю.

Мужчины с тяжёлым вздохом переглянулись.

Вскоре я уже орудовала тряпкой, подвязав длинную юбку на боку, чтобы не мешала. Конечно, видок был у меня в ту минуту не самый достойный приличной барышни, но мнение на сей счёт кого бы то ни было не особенно волновало. А потому, быстро освоившись, я вытирала пыль и мелкую керамическую крошку с напольных досок, согнувшись пополам. Стоит ли говорить, что служащие гончарной мастерской всё время моих танцев с тряпкой косились на меня, как на инопланетянку?

Оказавшись за прилавком, я быстро навела там порядок и невольно взгляд упал на полки под столешницей, где в некотором беспорядке лежали диковинные предметы. Здесь имелись ножи разной формы и величины, мотки проволоки, перья, какие-то коробочки и банки с порошками. Имелся даже коровий рог, о назначении которого я могла лишь догадываться. Предположение, что его использовали в качестве винного бокала, не оправдало себя. На конце рога имелось небольшое отверстие, внутрь которого была вставлена тонкая трубка, похожая на птичье перо.

— Госпожа, — Роже окликнул меня, озираясь по сторонам, — эта комната никогда ещё не была такой чистой. Вы будто всю жизнь полы мыли.

Он тут же получил подзатыльник от старика.

— Простите его, госпожа Катрин, этот остопоп всегда говорит, не подумав. Но он прав. Удивительно, как ловко вы со всем справились. Мы ведь никогда прежде не занимались с Роже наведением чистоты. То была работа Матильды, и выполняла она её скверно. Теперь Матильда больше не явится. И придётся нанимать кухарку с полоймойкой.

— Какой в этом смысл, дядя? — Роже развёл руками, — хозяин умер, госпожа скоро уедет. Да и нам предстоит искать другую работу.

Старик хмуро уставился на парня. По всему видно было, что он сам уже размышлял об этом, и перспективы его не радовали.

— Много болтаешь, Роже. Займись лучше разведением краски и эмалей. Заказ месье Кредони сам себя не распишет. Мы в любом случае должны выполнить все обязательства хозяина в срок. Особенно перед этим графом. Пошевеливайся.

Роже тяжело вздохнул и, обойдя прилавок, поплёлся к малоприметной двери, запрятанной в тени под лестницей.

Пауль теперь задумчиво смотрел в окно, почёсывая затылок, и размышлял о чём-то своём, о переменах, которые неотступно следовали за ним после всего произошедшего. Переменах, в которых имелось и моё невольное участие.

Подойдя к нему, я осторожно коснулась плеча старика.

Он вздрогнул. А когда повернул ко мне голову, быстро опомнился.

— Ах да. Госпожа, о, я старый дурак, прошу, пройдёте на кухню. Я накормлю вас.

Кухня располагалась на первом этаже с другой стороны от лестницы. Закопчённые стены, усыпанный сухими крошками пол, каменная печь, покрытая золой, чумазое окно, стол возле него и пара стульев были её скудным убранством. Имелись ещё и небольшие полки с углублениями, где, вероятно, должны были храниться травы и специи. Но они почти полностью пустовали. А покрытые пятнами плесени и паутиной углы комнаты сообщали, что серьёзной уборки помещение не знавало давно.

Похоже, Матильда, расписавшая себе безбедное будущее в роли моей мачехи, забросила здесь большинство хозяйственных дел, с нетерпением ожидая перемен в личной жизни.

Поставив передо мной глиняную плошку с ароматным супом и зеленью, Пауль отломил от куска немного почерствевшего хлеба и, подав мне его вместе с ложкой, присел напротив. Всё: и суп, и хлеб показались мне невероятно вкусными, видимо, потому что со вчерашнего дня я ничего не ела. И лишь когда опустошила тарелку и перевела дух, поняла, что снова вышла из роли, наворачивая, как ни в себя суп и уплетая хлеб огромными кусками. Но Пауль больше не хватался за сердце, а с лёгкой насмешкой, добавлявшей ему морщин в уголках глаз, косился на меня.

Как бы ни рвалась я помыться за собой посуду, усидела всё же. И, отставив плошку, заговорила:

— Скажите, Пауль, Матильда и Франсуа, что, всерьёз собирались пожениться?

— Свадьба планировалась на днях. И как хорошо, что нам не довелось увидеть эту сумасшедшую, когда она крушила здесь всё.

— А мы не можем привлечь её к ответственности? — задала я вопрос, который меня тревожил с тех самых пор, как обнаружился погром.

Пауль удивлённо воздел брови, а потом задумался и, подперев кулаком щеку, уставился в окно.

— Вы, конечно, могли бы обратиться к стряпчему, госпожа, — пояснил он. — Но это всё стоит немалых денег. Да и вряд ли правосудие скоро даст ответ на ваш иск. Можно всю жизнь вот так прождать. В прежние времена подобное ещё имело смысл, а теперь... У королевства и без того проблем хватает.

Пауль тяжело вздохнул и поднялся из-за стола.

— Матильда не перестанет строить козни, — продолжил он. — Я сразу понял, что она гнилой человек. Вы ведь помните, с каким высокомерием она говорила с вами, решив, что совсем скоро из служанки перейдёт в статус госпожи. Гадкая женщина. И ведь не лень ей слухи распускать и настраивать против вас улицу. Но не беспокойтесь. В основном люди здесь добрые. И я очень надеюсь, что отведённое вам время до замужества в этих стенах пройдёт мирно.

Я невольно поймала в окне край вывески со шляпой ведьмы. Дверь лавки только что отворилась и оттуда вышла высокая, статная дама в длинной чёрной накидке поверх чёрного платья со вставками ярко-красной будто кровь ткани по подолу и корсету. Горделиво вскинув голову, она модельной походкой прошла мимо нашего окна и, прежде чем скрыться из виду, взялась за черенок приставленной к стене метлы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.